

Тихи

Е КУРЛОВЪ

МОСКВА 1910

Е. Курловъ.

СТИХИ.

МОСКВА — 1910.

Тип. О-ва Р. П. К. Преемн. В. И. Вороновъ, Моховая, д. кн. Гагарина.

Эту книгу стиховъ я дѣлю на три части.

Одну посвящаю себѣ, своему безграничному Я, всеобъемлющему и властному.

Другую—Тебѣ, Твоему тонкому и избранному существу, мистическимъ тайникамъ Твоей сложной и проникновенной души.

И третью—Ему, Его уму острому и независимому, Его цѣльной индивидуальности.

МНБ.

1909—1907.

Я.

Я! Я одинъ! Только я!
Все остальное ничтожно.
Въ сумракѣ блѣднаго дня
Пѣть и любить невозможно.

Я ненавижу людей.
Я божества презираю.
Чарами мысли своей
Сѣрый досугъ наполняю.

Шелестъ ночей стерегу.
Въ тайны цвѣтовъ проникаю...
Въ ихъ ароматномъ кругу
Брачный обрядъ совершаю.

Я, какъ тычинка, съ мольбой
Къ пестикѣ нѣжно склоняюсь
И золотистой пылью
Въ складкахъ его разсыпаюсь.

Или, въ душистомъ вѣнцѣ,
Въ пестикъ себя превращаю
И въ сладкоструйной пыльцѣ
Жадное рыльце купаю.

Я... Я одинъ... Только я...
Я цѣлый міръ обнимаю!
Въ сумракѣ блѣднаго дня
Я фонари зажигаю.

КЪ СОЛНЦУ.

Къ солнцу, къ дальнимъ водометамъ
За безбрежныя поля
Къ неразгаданнымъ высотамъ
Улетаетъ мысль моя.

Вся—метанье, вся—горѣнье
Вся—мучительный позывъ,
Жаждетъ въ новомъ ощущеньи
Обезсилить свой порывъ.

Видѣтъ то, чего другіе
Не умѣютъ увидать:
Въ полдень пятна свѣтоты,
Въ полночь тѣни разгадать.

Легкой дѣвочкой-мечтою
Пронестися по лугамъ,
Ароматною пылью
Къ разъярившимся цвѣткамъ.

Къ солнцу, къ дальнимъ водометамъ,
За туманныя поля,
Къ зачарованнымъ высотамъ
Улетаетъ мысль моя.

КАКЪ ТЫ СМѢЛА?

Буря сразу налетѣла.
Запахъ тлѣющаго тѣла,
Деревенскихъ пѣвчихъ вой...
Какъ вы смѣли? Какъ ты смѣла
Такъ раздѣлаться со мной?

Въ душномъ храмѣ, въ клубахъ дыма
Я присутствую незримый.
Я бы плетью васъ избилъ;
Только руки недвижимы,
Только голосъ измѣнилъ.

Буря сразу налетѣла.
Запахъ тлѣющаго тѣла,
Волосатый, мрачный попъ...
Какъ вы смѣли? Какъ ты смѣла
Уложить титана въ гробъ?

Унеси мой прахъ съ друзьями.
Убери его цвѣтами,
Кудри свѣтлыя завей,
Ароматными маслами
Грудь любимую полей.

Тѣло мудраго нетлѣнно.
Въ черни глупой и презрѣнной
Эту вѣру поддержи
И на жертвенникъ священный
Сына солнца возложи.

И въ огнѣ безпечномъ тая—
Волю жизни исполняя—
Пусть душистою струей
Я сольюсь съ эфиромъ мая,
Съ вешней солнечной мечтой.

Я БОЮСЬ.

Я боюсь умиранья...
Я хочу, чтобъ вкушая
Буйный хмель ликованья,
Люди жили играя!

Я страшусь охлажденья...
Я хочу, чтобъ пылали
На кострахъ вдохновенья
Нашей жизни скрижали.

Мнѣ противно забвенье...
Я хочу, чтобы вѣчны
Были крѣпкія звенья
Жизни яркой, безпечной!

НА ВЫСЯХЪ.

Тамъ, гдѣ мысль красотѣ приобщается,
Гдѣ большое съ безумнымъ сливается —
Тамъ, на высяхъ причудливыхъ горъ,
Я раскинулъ свой бѣлый шатеръ.

И живу, созерцая предвѣчное,
Проникая мечтой въ безконечное —
Одинокій и гордый титанъ,
Панъ — сверкающій, розовый панъ.

Окрыленный своими хотѣньями,
Созидающей мысли видѣньями,
Среди смѣлыхъ и радостныхъ сновъ

И слетаются горные жители,
Поднебеснаго царства властители,
Потревожены зовомъ моимъ.
И мы вмѣстѣ надъ міромъ паримъ.

А когда утомляетъ безбрежное,
Я въ долину схожу, въ неизбѣжное —
И въ долину пастушекъ ловлю,
И люблю, беспощадно люблю!

Я СЪЯЛЪ.

Я съялъ розовые блики
Туда-сюда, сюда-туда--
Куртины мягкой повилики,
Барашковъ нѣжныя стада.

Я создалъ пламенные сказки
Изъ новыхъ словъ, изъ дивныхъ чаръ—
Игра мечты, обманность маски,
Полетъ мистическихъ гагаръ.

Я вывелъ бархатныя трели
И долго пѣлъ то здѣсь, то тамъ—
Шумъ пробѣгающей газели
По неприступнымъ крутизнамъ.

Но люди скупы на вниманье:
Кричалъ плясунъ, шумѣлъ базаръ—
Медвѣдя дикое рычанье,
Зловонный, кухонный угаръ.

ХОЧУ.

Хочу чего-то страшнаго, бездоннаго, безграннаго,
Топить свои желанія въ отравленныхъ цвѣтахъ
И въ зеркалѣ минутнаго, и въ морѣ безпрестаннаго
Безпечно плавать въ яликѣ, въ сверкающихъ мечтахъ.

И въ мукѣ человѣческой, и въ собственномъ томленіи
Я вижу только зрѣлище—смотрю и веселюсь.
И чѣмъ сильнѣй отчаянье, чѣмъ ярче преступленіе,
Тѣмъ плачу я неистовѣй, тѣмъ громче я смѣюсь.

Еще! Еще! Не трогайте! Пускай царить безуміе,
Пусть пламя разгорается въ измѣнчивыхъ сердцахъ!
Пусть пирамиды рушатся, пусть оживаютъ муміи!

20 Я плаваю на яликѣ въ отравленныхъ водахъ.

У ДВЕРИ.

У моей закрытой двери
Стонуть птицы, воють звѣри,
Люди ломаются ко мнѣ.

Ахъ, уйдите! Не желаю.
Я, безумный, самъ сгораю
На медлительномъ огнѣ.

Вы ревете въ изступленьи,
Вы пришли искать спасенья
У властителя умовъ...

Ахъ, напрасно! Я не знаю.
Расплетая, заплетаю
Только новый рядъ узловъ.

Бога стараго низринулъ,
Гордый идолъ опрокинулъ,
Создалъ новый міръ идей.

Но и новый также скученъ,
Также блѣденъ, однозвученъ...
Уходите же скорѣй!

МОЯ ТОСКА.

Моя тоска всегда со мной,
Я съ нею неразлученъ—
Вотъ почему толпѣ людской
Кажусь я гордъ и скученъ.

Я какъ жену ее люблю,
Какъ другу ей ввѣряюсь;
И ночью вмѣстѣ съ ней не сплю,
И цѣлый день съ ней маюсь.

И устаю ее любить,
И плачу истомленный.
Хочу, какъ недруга, убить
И падаю, сраженный.

ЦВѢТЫ.

Цвѣты, цвѣты скорѣе рвите!
Скорѣе дѣлайте вѣнки!
Минутой радости живите,
Пока пылають огоньки.

Огни погаснутъ—мракъ настанетъ,
Холодный призракъ въ немъ мелькнетъ,
Цвѣтокъ несорванный увянетъ
И жизнь безъ счастья проклянетъ.

Цвѣты, цвѣты скорѣе рвите,
А то другіе ихъ сорвутъ!
Скорѣй вѣнки изъ нихъ плетите...

Съ насмѣшкой вѣчнаго молчанья
Давно слѣдить за вами рокъ.
Звучить надгробное рыданье
И ждать искусственный вѣнокъ.

1907—1904.

ПАНО.

Надъ соннымъ берегомъ рѣки
Склонились тихо васильки.
Была зима, и съ дальней мглой
Они сливались синевой.

Любви обычный эпизодъ:
Вверху цвѣты, а снизу ледъ.
Все вмѣстѣ вычурный эскизъ,
Искусства-баловня капризъ.

ВѢТКА АКАЦИИ.

Печальная вѣтка акаціи,
Расцвѣтшая въ холодѣ ночи,
Ты мечта, ты картонъ декораціи,
Ласкающій жадныя очи.

Но, страстью измученный жгучею,
Тебя я коснулся съ отрадой—
И ужась! Лобзанье колющее
За ласку мнѣ было наградой.

И бросилъ тебя я—постылую,
И сжалась ты болью безумной—
Но боль эта въ сердце унылое

30 Ворвалась мелодіей шумной!

СНѢГЪ.

Снѣгъ, снѣгъ,
Кружный бѣгъ...
Среди бѣлыхъ полей
Ни кустовъ, ни людей.
На далекій огонь
Скачетъ взмыленный конь.

Снѣгъ, снѣгъ,
Кружный бѣгъ...
Гдѣ-то крикнулъ пѣтухъ.
Огонечекъ потухъ.
Все смѣшалось во мглѣ.
Слышенъ звонъ на еслѣ.

Конь бѣжить веселѣй,
Иглы колятъ больнѣй.
Снѣгъ, снѣгъ,
Кружный бѣгъ.

Отдалилось село.
Насъ совсѣмъ замело .
Конь усталъ и стоитъ;
Острый вѣтеръ слѣпить.
Снѣгъ, снѣгъ,
Кружный бѣгъ...

Вѣтеръ пѣсню поетъ
Про сверкающій ледъ
На далекихъ моряхъ,
Въ заповѣдныхъ краяхъ.
Снѣгъ, снѣгъ,
Кружный бѣгъ...

Пѣсня тише звучитъ,
Тѣло сладко болить...
Нѣжать чудные сны,
Рѣетъ призракъ весны.

ПРАЗДНИКЪ.

Всѣ гости пьяны,
Личины сняты,
Диваны мягки,
Одежды смяты.

Играетъ страстью
Вино въ стаканахъ,
И страсть пылаетъ
На лицахъ пьяныхъ.

Скорѣй, скорѣе!
Мечта томится...
Пора отдаться,
Пора забыться!

Покуда солнце
Скрываютъ горы,
А встанетъ солнце—
Опустимъ шторы.

ЖЕМЧУГЪ-СЛОВО.

Кровь вокругъ течеть рѣкою —
А изъ кресла вырѣзного
Я киваю головою
И роняю жемчугъ-слово.

Жемчугъ-слово, перлъ твореній,
Красоты дитя живое,
Плодъ лѣнивыхъ измышлений,
Созерцанья и покоя.

И, какъ въ зеркалѣ прекрасномъ,
Получаютъ отраженье
Въ этомъ словѣ полновластномъ
Всѣ земныя ощущенья.

Жизни блѣдныя цвѣтеня,
Ужась смерти, греза счастья
И узорныя сплетеня
Нѣгъ любви и сладострастья.

Одинокія исканья
Пробужденнаго народа —
Безпросвѣтное страданье
И далекая свобода.

Но душа моя не знаетъ
Ни порывовъ, ни волненій;
Мысль безстрастно освѣщаетъ
Цѣпь измѣнчивыхъ явленій.

1904—1900

Я.

Я страдать не умѣю.
Зову нѣги послушный,
Я въ покоѣ коснѣю,
Ко всему равнодушный.

Красоту созерцая,
Красотѣ обручаюсь
И, весь міръ презирая,
Предъ собою склоняюсь.

Міръ меня не познаетъ:
Я творить не желаю.
Все, что жизнь созидаетъ,
Я въ мечтахъ разрушаю.

Я бы создалъ иное...
Но тщету осуждаю
И въ инертномъ покоѣ
Только звукамъ внимаю.

ПРИЗРАКЪ.

Холодно, холодно мнѣ...
Вѣтеръ въ окошко стучить.
Страшныя тѣни въ окнѣ.
Призракъ въ окошко глядитъ.

Холодно, холодно мнѣ...
Сердце окуталось льдомъ.
Дай умереть въ тишинѣ,
Не шелести подъ окномъ!

Холодно, холодно мнѣ...
Что за тяжелая ночь!
Призракъ, не мучь хоть во снѣ,
Дай мнѣ себя превозмочь.

ТЫ ВОРВАЛАСЬ.

Грубо ты такъ ворвалась,
Нервовъ моихъ не щадя —
Сутолку, зависть и грязь
Съ улицы ты принесла.

Жилъ я спокойно одинъ,
Міра и жизни далекъ.
Въ бѣлой свѣтелкѣ моей
Скромно синѣлъ василекъ.

Ты принесла мнѣ букетъ
Пышныхъ камелій и розъ.
Ахъ, уходи, уходи...

42 Больше бы искреннихъ слезъ!

ВЕЧЕРЪ.

Вечеръ. Даль рѣки темнѣетъ,
Въ тогу кутается лѣсъ.
Въ облакахъ туманныхъ рѣютъ
Звуки, полные чудесь.

Чары воздухъ наполняютъ.
Въ пляскѣ носятся мечты.
Страсть красавица витаетъ
Въ мірѣ юной красоты.

Наслажденье, упоенье,
Полусонныя уста.
Неземныя сновидѣнья,
Неземная красота!..

Ночь спускается надъ міромъ,
Мѣсяць плаваетъ въ крови.
Чуднымъ пиромъ, пьянымъ пиромъ
Ты проходишь, ночь любви!..

Утро. Грубыми тонами
Солнце мажетъ полотно.
Съ вѣчно яркими лучами
Какъ ты блѣдно и темно.

ЖИТЬ МЕЧТОЮ.

Жить мечтою и жить для мечты!
Если это тебѣ не понятно,
Такъ погибнешь ты весь безвозвратно
Въ жалкомъ мірѣ слѣпой суеты...
Жить мечтою и жить для мечты.

Счастье только въ свободныхъ мечтахъ,
Въ снахъ, далекихъ пустыхъ тревоженій,
Грубой пошлости, глупыхъ стѣсненій,
Въ снахъ чарующихъ, розовыхъ снахъ...
Счастье только въ свободныхъ мечтахъ. 45

Отдадимся же власти мечты!
И намъ грезиться будутъ инья,
Обновленная жизни людскія
Въ царствѣ свѣта, добра, красоты...
Отдадимся же власти мечты.

ТЕБЪ.

1909—1907.

Я БОЮСЬ.

Я боюсь твоихъ видѣній—
Вѣщей яви, грозныхъ сновъ,
Лживо-вычурныхъ сплетеній,
Яркой мысли угольковъ.

Я люблю твои видѣнья:
Близость дальняго встаетъ
Въ невозможности сплетеній,
Въ безобразіи красотъ.

Близость яснаго тумана,
Свѣта блѣдная кайма,
Шумъ людского каравана,
Путь на волю изъ ярма.

МЫ НЕ ЖИВЕМЪ.

Мы не живемъ—мы болѣемъ...
Еле мерцаетъ лампада.
Свѣчки зажечь мы не смѣемъ,
Да и не надо, не надо.

Наши желанья случайны,
Наши стремленья далеки
И, у преддверія Тайны,
Мы безъ конца одиноки.

Правда, мы любимъ другъ друга,
Но и въ огнѣ изліяній
Мы не выходимъ изъ круга
Вѣчно манящихъ мечтаній.

Все, что не ложь, насъ пугаетъ;
Цѣль нашей жизни—забвенье.
Сказка намъ радость вѣщаетъ,
Въ сказкѣ же наше мученье.

ТЫ.

Ты миленькій, ты маленькій,
Ты сѣренькій волчекъ;
Ты ходишь, молчаливая,
Наморщивши лобокъ.

Ты сердишься, но мило такъ,
Что сквозь твой дѣтскій гнѣвъ
Изъ устъ твоихъ мнѣ слышится
Чарующій напѣвъ.

И я гляжу, растерянный,
И каждый взглядъ ловлю.
Ахъ, маленькій, ахъ сѣренькій,
Я такъ тебя люблю!

СЛѢДЫ.

Слѣды, слѣды, дорога
И ничего кругомъ.
А сказано такъ много...
Зажглись огни былого
Надъ жизненнымъ слѣдомъ.

Бреду одинъ, безъ силы —
Лишенный неба богъ.
Къ погосту путь унылый...
Но минули могилу.
Слѣды любимыхъ ногъ.

И я иду обратно,
Готовый снова жить.
Пусть счастье безвозвратно,
Пусть море необъятно —
Я буду гордо плыть.

Потокъ мой челнъ ломаетъ;
Лежу безъ силъ и словъ.
Пучина увлекаетъ...
Но издали мерцаетъ
Маякъ твоихъ слѣдовъ.

Я ЛЮБУЮСЬ

Твоей покорностью судьбѣ,
Твоимъ безсилемъ я люблюсь.
Молитва такъ идетъ тебѣ,
Съ глубокимъ вздохомъ чередуясь.

Ты такъ мила, когда слезой
Горить въ глазахъ твоихъ тревога,
И ты со страхомъ и мольбой
Зовешь невѣдомаго бога.

Но свѣтлый богъ твой—это я!
Во мнѣ судьбы твоей завѣты:
Со мной ликуетъ жизнь твоя,
Уйду, и пѣсни будутъ спѣты.

МАМА.

Мама—свѣтлый отблескъ будущаго міра,
Мама вся изъ кружевъ и душистыхъ тканей.
Волосы у мамы—золото эфира,
А глаза—огни ласкающихъ сіяній.

Мама наша кукла. Ножки изъ фарфора,
Маленькія ножки въ шелковыхъ чулочкахъ;
Алый ротикъ—капля сладкаго кагора,
Зубы—бѣлый жемчугъ въ розовыхъ листочкахъ.

Мы лелѣемъ маму, мы играемъ съ нею,
Наряжаемъ въ бархатъ, душимъ, завиваемъ.
Съ каждымъ часомъ любимъ жарче и сильнѣе,
58 Каждое желанье рабски исполняемъ.

Мама знаетъ много, много чудныхъ сказокъ
И сама, какъ сказка—мудрость и загадка.
Правда жизни свѣтитъ изъ глубокихъ глазокъ
И мечты далекой вѣчная лампадка.

КУДА?

Куда я ѣду? Зачѣмъ я ѣду?
Какая сила меня влечетъ?
Я знаю твердо—едва пріѣду,
Больные нервы тоска сожметъ.

Проснется снова паукъ желаній,
Разлуки ужась. Назадъ! Назадъ!
О, море сладкихъ воспоминаній,
Мечтаній яркихъ жемчужный рядъ...

.

Мелькаютъ версты нѣмой дороги,
Отраднo-свѣтель обратный путь
И сердце полно иной тревоги,
И близость счастья волнуетъ грудь.

.

Мы снова вмѣстѣ, пылають свѣчи —
Какъ много, много кругомъ огней!
Ихъ зажигаютъ блаженства встрѣчи
И зной ласокъ, лучи страстей.

Нѣтъ, только больше не разставаться!
Жить вѣчно вмѣстѣ, на радость жить!
Сильнѣе слиться, полнѣй отдаться,
Любить и только любить, любить!

РАБЫ.

Тебя считают грѣшницей...
О жалкій сонмъ рабовъ!
Тупого воздержанія
Озлобленныхъ сыновъ.

Приспѣшники ничтожества,
Рядъ мелкихъ торгашей.
Толпа, толпа жестокая
Безмысленныхъ ханжей!

Огнемъ всесвѣтной радости
Горятъ твои глаза...
Святого вождельнія
Лучистая слеза!

•
И вѣрой въ безпорочное
Прекрасной наготы
И жаждой, жаждой подвига
Во имя красоты.

ПУСТЬ.

Пусть всѣ свѣтильники горятъ,
Пусть пылаютъ всѣ лампы,
Пусть торжественный обрядъ
Свершаютъ милыя дріады.

Пусть вакханки гимнъ поютъ
И славятъ жизнь и наслажденье,
И въ полныхъ чашахъ раздаютъ
Напитокъ страсти и забвенья.

Пусть вся жизнь сольется въ пиръ,
Въ безпечный пиръ любви и зноя.
Блѣднѣетъ свѣтъ, пустѣетъ міръ...

1904—1900.

ОКОЛО БОЛЬНОЙ.

Мрачныя тѣни вокругъ:
То ожиданье, то страхъ...
Ѣдетъ возлюбленный другъ
Поздней дорогой въ саняхъ.

Уши морозъ леденить,
Иней осыпалъ лицо...
Какъ ты мнѣ нуженъ теперь!
Выйду скорѣй на крыльцо.

Выйду и встрѣчу тебя,
И обниму впопыхахъ.
Пусто... Кругомъ ни души...
То ожиданье, то страхъ.

Ночь. Догораеть свѣча;
Мрачныя тѣни въ углахъ.
Спитъ неспокойно она...
То ожиданье, то страхъ.

Блѣдно лицо дорогое,
Свѣсились ручки худыя.
О, неужели напрасны
Были молитвы живыя!

О, неужели же сила,
Сила любви не всевластна?
Какъ горячо я молился,
Какъ я люблю ее страстно!

Блѣдно лицо дорогое,
Зимняго снѣга бѣлѣе,
Только дыханье уснувшей
Стало какъ будто ровнѣе.

Можетъ быть, снова вернутся
Ей и здоровье, и силы?
Дальше, старикъ безобразный.
Призракъ холодной могилы!

Тѣни рѣдѣють. Вокругъ
Яркія краски горять.
Контуры милыхъ картинъ
Передъ глазами стоятъ...

Тихое утро въ лѣсу,
Пахнетъ дождемъ и весной.
Мы обнялись и идемъ
Узкой дорожкой лѣсной.

Птицы поютъ про любовь,
Ты подпѣваешь тайкомъ...
Какъ глубока наша страсть!
Какъ хорошо намъ вдвоемъ!

Только цѣлуй горячѣй,
Счастіе въ нашихъ рукахъ...
Тѣни исчезли давно,
Жалокъ ребяческій страхъ.

Туча пройдетъ, пронесется:
Ты будешь скоро здорова.
Жизнью веселой и свѣтлой
Мы заживемъ съ тобой снова.

Это ужъ намъ не впервые...
Помнишь прошедшее лѣто?
Въ страшномъ жару я метался
Цѣлую ночь до разсвѣта.

Смерть надо мною стояла
Въ черномъ своемъ одѣяньи,
Кровь холодѣть начинала,
Дѣлалось рѣже дыханье.

Страхъ, осторожность, заразу—
Все ты, любя, позабыла:
Ты меня грудью согрѣла,
Ты умереть не пустила.

Тѣни исчезли давно,
Жалокъ ребяческій страхъ.
Только зачѣмъ-же опять
Краска на милыхъ щекахъ?

Можетъ быть-жаръ поднялся?
Стонъ... Неужели опять
Хуже?— Болить что-нибудь?
Нѣтъ, ничего не слышать.

Это, должно быть, во снѣ
Такъ застонала она.
Нѣтъ... Снова стонъ.—Что тебѣ?
Снова кругомъ тишина.

— Дай мнѣ воды, я горю!..
Боже! Больная зоветъ!
Тѣни сгустились опять,
Черная ночь настаетъ.

ПОМНЮ.

Помню лѣта воздухъ чистый,
Помню голосъ серебристый,
Помню старый темный лѣсъ,
Полный страховъ и чудесъ.

Тамъ, въ глуши его, впервые
Я услышалъ васъ, родные
Звуки милой стороны.
Счастья были вы полны.

Все привѣтные напѣвы,
Все литвинки, милой дѣвы,
Безконечно чудный даръ.
Сколько прелести и чаръ!

Лепеть чистый, чуть понятный...
Въ стихъ риѳмованный и внятныи
Я хотѣлъ его сковать.
Но возможно-ль передать

Рѣчью смертныхъ, что, бывало,
· Мнѣ красавица шептала?
Разсказать, какъ лѣсъ шумѣлъ,
Какъ волшебникъ-Нѣманъ пѣлъ?

ВЪ ОДЪЯЛѢ.

Завернемся скорѣй въ одѣяло.
Здѣсь такъ мягко, уютно, тепло,
Такъ далеки и зависть, и зло,
И сомнѣнье, что жить намъ мѣшало...
Завернемся скорѣй въ одѣяло.

Подъ душистымъ и мягкимъ покровомъ
Не услышимъ мы стоновъ глухихъ,
Не увидимъ, какъ въ мракѣ суровомъ
Гибнуть тысячи жизней людскихъ...
Подъ душистымъ и мягкимъ покровомъ.

Утомятъ насъ горячія ласки,
И мы тихо и сладко уснемъ.
Мы уйдемъ во владѣніе сказки,
Гдѣ довольство и радость кругомъ...

74 Утомятъ насъ горячія ласки.

EMY.

1909 – 1907.

КТО ОНИ?

Тѣни, краски, очертанья...
На полотнахъ разцвѣченныхъ
Два нѣмая изваянья
Двухъ существъ необъясненныхъ

Велелѣпные чертоги,
Озаренные огнями...
Это люди или боги
Надъ священными вратами?

Позолоченныя тоги
Изъ тончайшей валансьены.
Это люди... Это боги
Въ мягкихъ складкахъ гобелены.

Это люди... Это боги!
Въ ихъ очахъ такъ много власти,
Ихъ движенія такъ строги—
Ни волненія, ни страсти.

Въ позахъ вычурно-свободныхъ
Точно стынуть изваянья
И на лицахъ благородныхъ
Слѣдъ великаго познанья.

— Это боги— ты рѣшаешь —
И вникаешь въ очертанья,
Но, вникая, измѣняешь
Снова тезисъ толкованья.

Люди—смертны и ничтожны;
Боги—сыты и жестоки,
Ихъ стремленія несложны,
Мысль и чувства не глубоки.

Тутъ-же все—покой, страданье,
Міръ непознанной идеи,
И предъ мощью изваянья
Боги—слабые пигмеи.

МЫ ОВЛАДѢЕМЪ.

Храбрѣе, сильнѣе,
Силъ не жалѣя!
Мы овладѣемъ
Волшебнымъ рулемъ.

И будемъ, какъ боги,
Властны и строги,
Править стихіей—
Водой и огнемъ.

Сейчасъ и до вѣка—
Жизнь человека
Счастьемъ украсимъ,
Вѣнкомъ уберемъ.

Не будетъ лишений,
Слезъ, притѣсненій...
Люди владѣютъ
Волшебнымъ рулемъ.

Всѣ ножики знанья
Въ глубь мірозданья
Мы устремили
Стальнымъ лезвіемъ.

Всѣ тайны открыли,
Жизнь освѣтили —
И овладѣли
Желаннымъ рулемъ!

1907—1904.

ЧАРУСА.

Къ мечтамъ о н—ѣ.

Красавица чаруса...
Какъ много незабудокъ,
Кувшинокъ, бѣлоуса,
Блестящихъ изумрудокъ!

Веселая поляна,
Кругомъ дубы да ели.
Болотница Ульяна
Играетъ на свирѣли.

Лежить, нагя руки
Раскинувши призывно.
Чарующіе звуки
Несутся безпрерывно.

Но ступишь въ мохъ ногою—
Послушаешь кого-то,
И смотришь—подъ тобою
Ужасное болото.

Сосеть и вяжетъ тина
Безъ словъ, безъ сожалѣнья.
Ужасная пучина...
И нѣтъ тебѣ спасенья!

1904—1900.

CHANSON A BOIRE.

Будьте веселы! Смѣйтесь, пляшите,
Пойте пѣсни въ объятяхъ подругъ
И въ туманѣ вина утопите
Истомленнаго сердца недугъ.

Чѣмъ пьянѣе вы, дѣти ненастья,
Чѣмъ сильнѣе горитъ ваша кровь,
Тѣмъ реальнѣе призраки счастья:
Обновленіе, братство, любовь.

То, что трезвый сказать не посмѣетъ,
То у пьянаго выльется въ стонъ,
Отъ котораго кровь леденѣетъ,
Предъ которымъ блѣднѣетъ законъ.

Наша жизнь съ каждымъ днемъ тяжелѣе...
Воздухъ душенъ, нѣтъ мочи дышать;
Струи крови теплѣй и алѣе --
И въ дыму ничего не видать.

Будьте веселы! Пойте, пляшите!
Призракъ смерти витаетъ кругомъ.
Сожалѣнье и страхъ утопите
Въ чашѣ, полной горячимъ виномъ.

УЙДЕМЪ.

Ахъ, уйдемъ въ пустыню знойную!
Тамъ хоть люди не шумятъ.
Величавые, спокойные
Только камни говорятъ.

Говорятъ про чувства новыя,
Про далекіе огни.
Бури возгласы суровые
Отвѣчаютъ имъ одни.

И летятъ пески горячіе,
Разстилая тьму кругомъ...
Въ эти вихри, вихри жгучіе
Мы бы кинулись вдвоемъ!

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Отъ автора	3
Мнѣ.	
1909—1907.	
Я	9
Къ солнцу.	11
Какъ ты смѣла?	13
Я боюсь.	15
На высяхъ.	16
Я сѣялъ.	18
Хочу.	20
У двери.	21
Моя тоска.	23
Цвѣты	24

1907—1904.

Пано.	29
Вѣтка акаціи.	30
Снѣгъ	31
Праздникъ.	33
Жемчугъ-слово.	35

1904—1900.

Я	39
Призракъ	41
Ты ворвалась	42
Вечеръ.	43
Жить мечтою	45

Тебѣ.

1909—1907.

Я боюсь.	51
Мы не живемъ.	52
Ты.	54
Слѣды	55
Я люблюсь	57
Мама.	58
Куда.	60
Рабы.	62
Пусть.	64

1904—1900.

Около больной	67
Помню	72
Въ одѣяль	74

Ему.

1909—1907.

Кто они?	79
Мы овладѣемъ	81

1907—1904.

Чаруса	85
------------------	----

1904—1900.

Chanson a boire	89
Уйдемъ	91

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Къ Пророку послѣсловіе—	печатается.
Пророкъ	ц. 1 р. 50 к.
Война	„ 50 к.
„За идею“ и другіе рассказы .	„ 50 к.
Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.	